

А. Н. Островский

Пьесы

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84
О-77

Островский А.Н.

О-77 Пьесы / А. Н. Островский – М.: Книга по Требованию, 2015. – 481 с.

ISBN 978-5-458-22994-4

Книга содержит самые известные пьесы классика русской литературы А. Н. Островского: "Свои люди - сочтёмся!", "Доходное место", "Гроза", "На всякого мудреца довольно простоты", "Лес", "Волки и овцы", "Бесприданница", "Таланты и поклонники". Репринтное издание по технологии print-on-demand по оригиналу 1978 года

ISBN 978-5-458-22994-4

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2015

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2015

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

ПЬЕСЫ

Текст печатается по
изданию:
А. Н. Островский.
Избранные пьесы
в двух томах.
М., «Художественная
литература», 1972.

Предисловие и примечания
доктора филологических
наук А. И. Ревякина

Художник Г. НОВОЖИЛОВ

НАРОДНЫЙ ДРАМАТУРГ А. Н. ОСТРОВСКИЙ

1

А. С. Пушкин в середине 20-х годов XIX века писал: «С некоторых пор вошло у нас в обыкновение говорить о народности, требовать народности, жаловаться на отсутствие народности в произведениях литературы, но никто не думал определить, что разумеет он под словом народность»¹.

Стремясь определить понятие «народность литературы», Белинский ставит эту проблему в центр своих суждений и раздумий, начиная с первой крупной статьи «Литературные мечтания», опубликованной в 1834 году.

Отвергая лженародность самодержавно-охранительной и славянофильской публицистики и беллетристики, показывая их идейную несостоятельность, основоположник революционно-демократической критики разъяснял народность как выражение «образа мыслей и чувствований», духовной сущности, самосознания, прогрессивных идеалов трудовых масс.

А. Н. Островский начал свой литературный путь, испытывая благотворное влияние литературно-эстетической концепции Белинского — самой передовой для того времени.

В свете этой концепции Островскому было ясно, что высшую идейно-художественную силу писателю дает народность. А народность предполагает тугую связь писателя с самыми широкими, трудовыми слоями населения и требует выражения их настроений и чаяний. Поэтому в 1848 году в набросках статьи о романе «Домби и сын» Ч. Дикенса тогда еще начинающий драматург писал: «Для того чтобы быть народным писателем, мало одной любви к родине... надобно еще знать хорошо свой народ, сойтись с ним покороче, сродниться»².

Сближаясь с трудовым народом, с крестьянством, Островский наблюдал его быт, собирал его песни, изучал его речь. Приехав в 1848 году в усадьбу Шельково Костромской губернии и пробыв в ней несколько дней, он 4 мая записывает в дневнике: «Каждая мужицкая

---

¹ А. С. Пушкин. О народности в литературе. Полн. собр. соч., т. VII М.—Л., Изд-во АН СССР, 1949, стр. 38.

² А. Н. Островский. Полн. собр. соч., т. XIII. М., Гослитиздат, 1962, стр. 137.

физиономия значительна (я пошлых не видал еще)». Новая неделя пребывания в усадьбе подкрепила его первоначальное впечатление: «А какой народ здесь!»¹

Еще учась в гимназии, Островский сочинял стихи. Опубликованные им переводы песен Г. Гейне («Путевая песня», «Мы песнею крылатой») и других поэтов², а также пьесы «Воевода» и «Снегурочка» свидетельствуют о его исключительных стихотворно-поэтических способностях. Недаром такой большой и строгий ценитель поэзии, стиха, как Тургенев, сказал: «А «Воевода»... меня привел в умиление.. Какая местами пахучая, как наша русская роща летом, поэзия! Хоть бы в удивительной сцене «Домового». Ах, мастер, мастер этот бородач!»³

Вероятно, уже в университете Островский кроме стихов пробовал свое перо и в прозе. 15 декабря 1843 года он закончил рассказ «Сказание о том, как квартальный надзиратель пускался в пляс, или От великого до смешного только один шаг». Напечатанные им в 1847 году «Записки замоскворецкого жителя» подтверждают явное его дарование прозаика.

Но Островский избрал для своего поприща драматический род художественного творчества. Почему? Не только потому, что именно этот род он считал более соответствующим своему дарованию. Он руководствовался еще и тем, что драматургия наиболее действительна и близка народу. Он утверждал: «Драматическая поэзия ближе к народу, чем все другие отрасли литературы. Всякие другие произведения пишутся для образованных людей, а драмы и комедии — для всего народа»⁴.

Островский не был избавлен от идейных колебаний. Ему свойственно было крайнее увлечение западничеством (вторая половина 40-х годов). Им испытано частичное влияние славянофильства (1852—1855 гг.). Но при всех колебаниях драматург по мировоззрению оставался активным демократическим просветителем. Печатаясь с 1856 года в журнале «Современник», он становится союзником революционных демократов, сближается с членами редакции журнала, и в особенности с Н. А. Некрасовым. В начале декабря 1869 года, отвечая на пессимистические настроения автора поэмы «Мороз, Красный нос», Островский писал: «Как Вам умирать! — С кем же тогда мне идти в литературе? Ведь мы с Вами только двое настоящие народные поэты, мы только двое знаем его, умеем любить его и сердцем чувствовать его нужды без кабинетного западничества и без детского славянофильства. Славянофилы наделали себе деревянных мужичков и утешаются ими. С куклами можно делать всякие эксперименты, они есть не просят»⁵.

---

¹ А. Н. Островский. Полн. собр. соч., т. XIII, стр. 187, 188.

² Сборник «50 романсов и песен». Под ред. Н. Г. Рубинштейна.

³ И. С. Тургенев. Полн. собр. соч. и писем в двадцати восьми томах, т. V (письма). М.—Л., Изд-во АН СССР, 1963, стр. 365.

⁴ А. Н. Островский. Записка о положении драматического искусства в России в настоящее время. Полн. собр. соч., т. XII, стр. 123.

⁵ А. Н. Островский. Полн. собр. соч., т. XIV, стр. 181.

Выражение народности Островский видел прежде всего в обличении социальных пороков. Он писал: «Публика ждет от искусства облечения в живую, изящную форму своего суда над жизнью, ждет соединения в полные образы подмеченных у века современных пороков и недостатков...»¹

Народность как обличение, как суровый, но справедливый суд над общественными пороками рассматривалась Островским не только идейной, а и эстетической категорией. По его мнению, «чем произведение изящнее, чем оно народнее, тем больше в нем этого обличительного элемента»².

Исходя из своего понимания народности, Островский начал творческий путь резким сатирическим обличением торгово-промышленной буржуазии, тогда стремительно подымавшейся на общественную арену: она шла не только к экономической, но и к социально-политической власти, на смсну дворянству.

Жищно-эгоистическим, мошенническим, лицемерным, самодурно-невежественным, разменивающим на деньги и родство и честь — таким предстало купечество в первых комедиях драматурга: «Картина семейного счастья» и «Свои люди — сочтемся!».

Ловким плутовством, наглым мошенничеством в этой среде похвально и гордятся, как геройством. Защищая заведомого плута купца Ширялова, купчиха Пузатова говорит: «А если обманет кого, так что за беда! Не он первый, не он последний; человек коммерческий. Тем, Антигушка, и торговаля-то держится» («Картина семейного счастья»). Большов — владелец нескольких оптовых и розничных лавок, именитый купец. Но, ослепленный жаждой быстрой ростовщической наживы, он решается на злоумышленное банкротство: «Черта ли там по грошам-то наживать! Махнул сразу, да и шабаш. Только напусти бог смелости» («Свои люди — сочтемся!»). Превыше всего ставя наживу, готовый ради нее на преступления, он цинично говорит: «Там после суди владыка на втором пришествии».

Столь бичующего обличения купечества предержавшие власти не простили драматургу. Комедии «Картина семейного счастья» и «Свои люди — сочтемся!» цензура не допустила к театральному представлению.

30 марта 1850 года на докладе негласного цензурного комитета об опубликовании в журнале «Москвитянин» комедии «Свои люди — сочтемся!» Николай I написал: «Напрасно печатано, играть же запретить». Через два месяца он отдал новое распоряжение: «Иметь под присмотром». И Островский целых пять лет находился под двойным надзором: жандармским и полицейским.

Чем больше торгово-промышленная буржуазия ощущала свою общественную влияние, тем сильнее проявлялось ее самодурство.

Продолжая обличать купечество, Островский в 1856 году в комедии «В чужом пиру похмелье» словами одного из ее персонажей дает следующее разъяснение сущности самодурства: «Самодур — это на-

¹ А. Н. Островский. «Ошибка», повесть г-жи Тур. Полн. собр. соч., т. XIII, стр. 141.

² А. Н. Островский. Полн. собр. соч., т. XIII, стр. 140.

зывается, коли вот человек никого не слушает, ты ему хоть кол на голове теши, а он все свое. Топнет ногой, скажет: кто я? Тут уж все домашние ему в ноги должны, так и лежать, а то беда...»

Таковыми самодурами кроме Пузатова, Ширылова («Картина семейного счастья»), Большова («Свои люди — сочтемся!») являются Тит Брусков («В чужом пиру похмелье»), Дикой и Кабаниха («Гроза»), Хрюков («Шутники»), Курослепов («Горячее сердце») и многие другие персонажи пьес Островского. Проявляя свою самодурную волю, Большов на опасения Подхалузина, что на него Липочка, может быть, и «глядеть-то не захочет», надменно, уверенно заявляет: «За кого велю, за того и пойдет, мое детище: хочу с кашей ем, хочу масло пахтаю». Хрюков не допускает и мысли, что его желание может быть не удовлетворено: «А насчет того, что ежели полюбить меня, так это только стоит мне захотеть. Вот и все!»

Самодуры особенно страшны тем, что их деспотическое своеволие не имеет никаких сдерживающих начал; нередко они и сами не знают, чем кончат. Богатый подрядчик Хлынов так и говорит зависимому от него Васе Шуструму: «Ты почему мою душу можешь знать, когда я сам ее не знаю, потому это зависит, в каком я расположении» («Горячее сердце»).

«Пучина» — так назвал Островский одну из своих пьес о торгашеском мире. И показал, что это пучина лихоимства, стяжательства, разнузданного хищничества и грабительства. Феона, ключница богатого купца Ахова, жалуясь на него как на «обидчика», так аттестует его: «Ненавистник! Кричит: «Я вас кормлю, да жалованье плачу», а чужой работы не считает. Ему, кажись, кабы можно из рабочего дня-то два сделать, так он был бы рад-радостью» («Не все коту масленица»). Для купеческих самодуров понятие чести существует как синоним богатства. «Какая такая честь? — рычит Курослепов и сам отвечает: — Нажил капитал, вот тебе и честь» («Горячее сердце»). Бахвалаясь своим богатством, Ахов говорит Кругловым: «Была бы вам честь, кабы дочь твоя купчихой Аховой называлась» («Не все коту масленица»).

В богатстве, в капитале, бесчестно ею нажитом, была честь и власть торгово-промышленной буржуазии. Дикой не на ветер слова бросает: «Захочу — помилую, захочу — раздавлю». Уверенный в своей полной безнаказанности, куражась, подрядчик Хлынов произносит: «Барин, гляди, вот все это наше начальство! Господин подковник Градобоев, господин Курослепов, его высоко... высокостепенство; а для нас это все одно ничего, можем слободно...»

Если во время написания «Ревизора» купцы боялись городничего и он расправлялся с ними, как власть имущий, то в пору появления «Грозы» и «Горячего сердца» их роли переменялись: городничий страшится купцов. Обращаясь к Хлынову и Курослепову, Градобоев признается: «Прокраженные вы! Турок я так не боялся, как боюсь вас, чертей!» («Горячее сердце»).

Островский внимательно следил за развитием торгово-промышленной буржуазии. В пореформенных условиях он рисовал ее внешне цивилизованной. Выложенные, респектабельные промышленные дельцы читают иностранные газеты, ездят за границу на выставки. Но при всем том они становятся еще более холодно-расчетливыми, подчиняющими весь распорядок своей жизни «бюджету», вроде Василькова («Бешеные деньги»), превращаются в бесчувственных «идолов», наподобие Кнурова, для которого человек — вещь («Бесприданница»).

Если Подкалюзин еще способен на искреннее чувство любви, то Вожеватов кичится тем, что он в себе совсем не замечает того, «что любовь-то называют». Воспринимая Ларису Огудалову именно вещью, Кнуров и Вожеватов цинично разыгрывают ее в орлянку. Стыров, очень богатый предприниматель, признается своему компаньону, что он свою жену «купил у матери». На это Коблов сочувственно отвечает: «Да хоть бы украли».

Островский — один из ярчайших изобразителей дворянского оскудения — экономического, идейного и нравственного.

Презрение к труду, паразитизм, расточительство, моральная растленность, ханжество — таковы определяющие свойства этого класса в обрисовке Островского. Здесь промотавшийся Вихорев рыщет по богатым купцам, пытаясь женитьбой поправить свои дела. О том же мечтают Глумов («На всякого мудреца довольно простоты»), Копров («Трудовой хлеб»), Дульчин («Последняя жертва») и Паратов («Бесприданница»). Для этих искателей легкой поживы нет ничего святого. Паратов кичливо заявляет: «Что такое «жаль», этого я не знаю. У меня... ничего заветного нет; найду выгоду, так все продам, что угодно». И он, дважды обманывая Ларису, продает самого себя, женись на девушке, у которой приданое — золотые приски. Для Глумова, беспринципного приспособленца, добывающегося материального благосостояния, все средства хороши: раболепство перед сановными людьми, анонимные письма, подкупы приживалок, притворная добродетель, лицемерная любовь и т. д. Поля Пржегнева возмущает необходимость служить: «Что я, лошадь, что ли?» («Не сошлись характерами»). Лидия Чебоксарова, готовая ради роскоши на любые услуги, приходит к выводу, что «самый большой порок есть бедность... Я доселе была скромно кокетлива, теперь я испытую себя: насколько я могу обойтись без стыда». С ней полностью согласен Телятев, наследник многих состоятельных тетушек и бабушек. Он считает, что «чем в женщине меньше нравственности, тем лучше» («Бешеные деньги»). Под маской благочестия помещицы Уланбекова («Воспитанница») и Гурмыжская («Лес») скрывают свою растленность, эгоизм, жестокость. «Волки и овцы» — так озаглавил драматург одну из своих пьес о дворянстве и убедительно показал власть в этом кругу волчьих законов.

Островский заклеил и бюрократию, служившую дворянству и буржуазии. Карьеризм, казнокрадство и взяточничество — это существеннейшие черты более или менее значительных чиновников, изображенных драматургом. Сановный Вышневецкий поучает своего племянника: «Оглянись вокруг себя: какая умная девушка задумается выйти замуж за богатого старика или уroda? Какая мать усомнится выдать дочь таким образом, даже против ее воли... Укrotи немного свой характер, брось завиральные идеи, брось, глупо ведь... Вот тебе общественное мнение: не пойман — не вор. Какое дело обществу, на какие доходы ты живешь, лишь бы ты жил прилично и вел себя, как следует порядочному человеку» («Доходное место»). Важный барин, действительный статский советник Гневыхшев говорит мелкому чиновнику Пирамидалову: «Цель вашей жизни: взять большое приданое и получить протекцию через жену» («Богатые невесты»). И Пирамидалов не отрицает этого. Больше того, зная, что Гневыхшеву необходимо освободиться от своей любовницы, он просит ее руки, а вместе с ней и протекции.

Островский не ограничивался сатирическим обличением власти имущих, хозяев тогдашней жизни.

Будучи голосом народа, выразителем его идейно-нравственных убеждений, драматург стремился воплотить их в положительных характерах. Формулируя в словах режиссера Грегори задачи драматического писателя, он говорил:

«...порочное и злое
Смешным казать, давать на посмеянье.
Величия родной земли героев
Восхвалявать и честно и похвально;
Но больше честь, достойно большей славы
Учить людей, изображая нравы».
(«Комик XVII столетия»)

Осуществляя эти задачи, Островский в период расцвета своего творчества органически сплавляет в своих пьесах отрицание с утверждением. Обличая привилегированные классы, он с явным сочувствием изображает положительных героев, так или иначе связанных с простым людом, с трудом. Рисуя положительные характеры, Островский вместе с самыми прогрессивными писателями демократизировал тематику русской драматургии, утверждал в ней народных героев. Для того времени, в особенности в драматургии, это было подлинно новаторским словом.

Положительные герои Островского — бедные мещане, вроде часовщика-самоучки Кулигина («Гроза»), умельца на все руки Аристарха («Горячее сердце»), бухгалтера Платона Зыбкина («Правда — хорошо, а счастье лучше»), учителей Иванова («В чужом пиру похмелье») и Корпелова («Трудовой хлеб»). Среди них честный чиновник Жадов («Доходное место»), артисты — Несчастливцев («Лес») и Кручинина («Без вины виноватые»), только что окончивший университет и ждущий учительского места Мелузов («Таланты и поклонники»). В ряде пьес («Воспитанница», «Козьма Минин», «Воевода», «Дмитрий Самозванец», «Снегурочка», «Волки и овцы») Островский рисует образы крестьян.

Положительные герои Островского, душевно щедрые, благородные, отличаются высокой нравственностью и гражданственностью. Любой из них — всегда жертва произвола и насилия правящих сословий. Бедных, маленьких людей изображали и до Островского. Но их стихийный или сознательный протест еще не проявлялся с такой действенностью, как у Островского. Возмущенный грубым самоуправством Тита Брускова, учитель Иванов бросает ему в лицо: «Будьте вы прокляты! Как это вас земля-то терпит! Как эти стены не обвалятся на вас!» («В чужом пиру похмелье»). Протестуя против бесчестной морали бюрократов, Жадов клянется: «Если судьба приведет есть один черный хлеб — буду есть один черный хлеб. Никакие блага не соблазнят меня, нет... Если вся жизнь моя будет состоять из трудов и лишений, я не буду роптать» («Доходное место»). Оскорбленный Потроховым, разбогатевшим чиновником, Корпелов гордо произносит: «Я человек, а ты опоек, полувал, юфть!» Платон Зыбкин доказывает своему хозяину, что он, не понимая образования, поступая по невежеству, «с обидой и с насмешкой над человечеством, и только себе на потеху... — мерзавец своей жизни». Барабошев и его приспешник Мухояров пытаются оказать влияние на Зыбкина, но Платон не сдается: «Всю жизнь буду эту песню петь; другой никто меня не заставит» («Правда — хорошо, а счастье лучше»). Противопоставляя свои моральные

требования человека труда и прогресса паразитическому поведению власть имущих, Мелузов говорит видному чиновнику Бакину: «У нас с вами... дуэль, постоянный поединок, непрерывная борьба. Я просвещаю, а вы развращаете» («Таланты и поклонники»).

Голос жертв, протестующих против произвола и насилия, слышится и в исторических пьесах Островского. В драматической хронике «Воевода» о горькой доле крестьян, которых «бог забыл, царь не милует», поет старуха. И ее песня воспринимается как стон всего трудового народа. В этой же пьесе, не выдержав грубого своеволия воеводы Шалыгина, посадский Роман Дубровин становится удалым молодцем, разбойником, защищающим бедных. Он признается пустыннонику:

«Мой норов крут, душа моя не терпит,
Когда большой молодшего обидит,
Подвластного гнетет да давит властный».

Роман не может оставаться равнодушным и стоять в стороне, когда:

«Неправый суд царит на белом свете;
В овечьем стаде волки пастухами».

Вставая на защиту бедных, он «тюремное сиденье сменял на бор сырой».

Еще Добролюбов, разъясняя глубокую и широкую типичность, общенародность образов Островского, в своих статьях «Темное царство» справедливо отмечал, что «типы комедий Островского нередко заключают в себе не только исключительно купеческие или чиновничьи, но и общенародные черты». Наиболее яркие примеры таких образов — Катерина из трагедии «Гроза» и Параша из комедии «Горячее сердце». Перед Катериной, возненавидевшей произвол и насилие, оказалось лишь два пути. Первый — примирение и рабская покорность Кабанихе, жизнь с бесхарактерным, противным ей мужем. Но, вкусив воли, захваченная проснувшейся в ней любовью, устремленная к красоте, мечтающая о необыкновенном, она уже не могла быть рабой, ветошкой в руках Кабанихи. Она предпочла смерть.

Добролюбов в статье «Луч света в темном царстве» по этому поводу писал: «Грустно, горько такое освобождение; но что же делать, когда другого выхода нет»¹.

Уход Катерины из жизни определен окружающими ее обстоятельствами. Этот уход — не слабость, а сила Катерины. В ней, по справедливим словам Добролюбова, «дан страшный вызов самодурной силе». Горький конец Катерины показывает, что более жить с «насилственными, мертвыми началами» нельзя. В Катерине революционно-демократический критик справедливо видел «протест против кабановских понятий о нравственности, протест, доведенный до конца, провозглашенный и под домашней пыткой, и над бездной, в которую бросилась бедная женщина»².

Мечту о будущем, о мирно-трудовой, вольной и счастливой жизни людей Островский выразил в весенней сказке «Снегурочка».

---

¹ Н. А. Добролюбов. Луч света в темном царстве. Собр. соч. в трех томах. т. 3. М., Гослитиздат, 1952, стр. 216.

² Там же, стр. 219.

Дооктябрьская реакционная и часть примыкавшей к ней либеральной критики, принимая сущность пьес Островского, трактовала их как узкобытовые. А между тем драматург, рисуя глубоко обобщенные образы-типы, всегда был против узкого бытовизма, неразличного с натурализмом.

Он утверждал, что «зрительная зала театра не аудитория для слушания лекций истории и археологии... Натуральность не главное качество, оно достоинство только отрицательное; главное достоинство есть выразительность, экспрессия... Для нас интересно, каковы люди вообще»¹.

Островский заботился о жизненной реально-бытовой верности своих пьес. 19 июня 1885 года в письме к поэтессе А. Д. Мысовской он сообщал: «Мы теперь стараемся все наши идеалы и типы, взятые из жизни, как можно реальнее и правдивее изобразить до самых мельчайших бытовых подробностей»².

Но при этом быт сам по себе никогда не ограничивал творчество драматурга, не являлся его единственной целью. Быт всегда был для драматурга формой постановки и решения социально-этической проблематики общенародного, общечеловеческого значения.

За большинством образов Островского стоят огромные социальные пласты. 26 апреля 1850 года он писал попечителю Московского учебного округа В. И. Назимову: «Мне хотелось, чтоб именем Подхалюзина публика клеймила порок точно так же, как клеймит она именем Гарпагона, Тартюфа, Недоросля, Хлестакова и других»³. Кроме Подхалюзина драматург создал такие, явно заключающие в себе свойства нарицательности, образы, как Самсон и Липочка Большовы («Свои люди — сочтемся!»), Тит Титыч Брусков («В чужом пиру похмелье»), Жадов («Доходное место»), Бальзаминов («Праздничный сон до обеда»), Кабаниха и Дикой («Гроза»), Глумов («На всякого мудреца довольно простоты»), Градобоев, Курслепов и Хлынов («Горячее сердце»).

В. И. Ленин в полемике со своими политическими врагами широко пользовался как нарицательным образом Тита Брускова.

Ориентировавшийся на самые широкие круги зрителей, Островский изображал свои персонажи, опираясь на средства крупного комизма и сильного драматизма.

«Русские авторы,— провозглашал он,— желают пробовать свои силы перед свежей публикой, у которой нервы не очень податливы, для которой требуется сильный драматизм, крупный комизм, вызывающий откровенный, громкий смех, горячие, искренние чувства, живые и сильные характеры»⁴.

Крупный комизм и сильный драматизм — это гербовая печать драматургии Островского, ведущие признаки ее идейно-эстетического своеобразия.

¹ А. Н. Островский. «Лучший алькад — король». Полн. собр. соч., т. XIII, стр. 162, 163.

² А. Н. Островский. Полн. собр. соч., т. XVI, стр. 179.

³ Там же, т. XIV, стр. 16.

⁴ А. Н. Островский Записка о положении драматического искусства в России в настоящее время. Полн. собр. соч., т. XII, стр. 123.